12. Medushevskij V. V. Stroenie muzykal'nogo proizvedenija v svjazi s ego napravlennost'ju na slushatelja : avtoref. dis. … kand. iskusstvovedenija. – Moskva, 1971. – 26 s.
13. Mihalev A. B. Teorija fonosemanticheskogo polja : dis. ... d-ra filol. nauk. – Pjatigorsk : Izdatel'stvo Pjatigorskogo gosudarstvennogo lin-gvisticheskogo universiteta, 1995. – 294 s.
14. Nazajkinskij E. V. O psihologii muzykal'nogo vosprijatija. – Moskva : Muzyka, 1972. – 384 s.
15. Nikitina E. A. Poznanie. Soznanie. Bessoznatel'noe. – Moskva : Librokom, 2011. – 224 s.
16. Prangshivili A. S., Sherozija A. E., Bassin F. V. Osnovnye kriterii rassmotrenija bessoznatel'nogo v kachestve svoeobraznoj formy psihicheskoj dejatel'nosti // Bessoznatel'noe. Priroda, funkcii, metody issledovanija. – T. 1. Razvitie idei. – Tbilisi : Mecniereba, 1978. – S. 71–83.
17. Savel'ev A. V. Aspekty vozmozhnosti soznatel'nogo modelirovanija bessoznatel'no go v iskusstvennyh sociumah // Iskusstvennye obwestva. – 2009. – T. 4, № 1–4. – S. 90–111.
18. Sannikova A. I. Teorija razvitija tvorcheskogo potenciala lichnosti sredstvami obrazovanija v svete koncepcii vzaimosvjazi osoznavaemyh i neosoznavaemyh komponentov psihiki // Sovremennye napravlenija razvitija pedagogicheskoj mysli i pedagogika I. E. Shvarca : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Perm', 1–2 ijunja 2009 g.). – Perm', 2009. – Ch. 1. – S. 72–82.
19. Sossjur F. de. Trudy po jazykoznaniju. – Moskva : Progress, 1977. – 696 s.
20. Ushakova T. N. Psihologija rechi i psiholingvistika // Psihologicheskij zhurnal. – 1991. – T. 12, № 6. – S. 12–25.
21. Frejd Z. Psihologija bessoznatel'nogo // Sbornik proizvedenij. – Moskva : Prosvewenie, 1990. – 448 s.
22. Homskij N. Jazyk i myshlenie. – M. : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1972. – 126 c.
23. Shadrina I. N. Fonosemanticheskaja dominanta kak strukturoobrazujuwij komponent teksta perevoda : dis. ... kand. filol. nauk. – Gorno-Altajsk, 2001. – 167 s.
24. Shvarc K. I. Diagnostika i normalizacija pogranichnyh sostojanij v shkol'noj praktike // Vzaimosvjaz' osoznavaemyh i neosoznavaemyh komponentov psihiki v pedagogicheskom processe. – Perm', 1980. – S. 3–19.
25. Jakobson R. Jazyk i bessoznatel'noe. – Moskva : Gnozis, 1996. – 248 s.

ПЕРЛОКУЦИЯ В АНГЛИЙСКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (на материале жанра «Письмо редактору»)

Козлова Елена Анатольевна, *аспирант, Волжский университет им. В.Н. Татищева, 644112, Россия, г. Тольятти, пр. Комарова, 13.*

В статье предпринята попытка рассмотреть и проанализировать проявление перлокутивных эффектов в публицистическом жанре «письмо к редактору» на материале английской газеты “Daily Telegraph”.

Ключевые слова: публицистический дискурс, речевой акт, локуция, иллокуция, перлокуция.

PERLOKUTSIYA IN ENGLISH PUBLICISTIC DISCOURSE (on a genre material “The letter to the editor”)

Kozlova Elena Anatolyevna, *post-graduate student, Volga University of V.N. Tatischev, 414056, Russia, Tolyatti, Komarov st., 13.*

The attempt to consider and analyze the display of perlocution’s effects in publicist genre “letter to the editor” on the material of English newspaper “Daily Telegraph” is undertaken in the article.

Key words: publicist discourse, speech act, locution, illocution, perlocution.

Одним из актуальных направлений в современной лингвистике является разработка теории речевых актов. Согласно этой теории, речевой акт принято рассматривать как минимальную единицу дискурса. Представления о коммуникативном воздействии речи были подвергнуты пересмотру после появления концепции Джона Остина, предложившего считать единицей речевой коммуникации речевой акт, трактуемый как трехуровневое единство [1, p. 92–101].

В структуре речевого акта, вслед за Дж. Остином, мы выделяем три уровня – локутивный, иллокутивный, перлокутивный. Под локутивными актами подразумевается собственно произнесение выказывания. Среди них выделяются фонетические (произнесение звуков), фатические (произнесение слов и выражений) и ретические (семантическое наполнение высказывания). Таким образом, в локутивном аспекте речевой акт выступает в отношении к языковым средствам, применяемым при его осуществлении. Иллокутивная сторона речевого акта акцентирует коммуникативную цель речи. Иллокутивный акт, соотносящийся с интенцией говорящего, является центральным понятием ТРА [3, с. 163]. Перлокутивный уровень отражает целенаправленное воздействие совершающего речевой акт на слушателей, которое приводит к неким внеречевым последствиям. Следовательно, перлокутивный акт шире иллокутивного и не является непосредственно обусловленным интенцией говорящего. Согласно М.Л. Макарову, «перлокуция не столь жестко связана с самим высказыванием и обусловлена прагматическим контекстом» [3, с. 164]. По формулировке О.В. Пугачевой, охарактеризовавшей триаду речевого акта, «локутивный акт – акт говорения вообще, иллокутивные акты – различные типы речевых высказываний (вопрос, ответ, уверение и т.д.), содержание намерения говорящего, а перлокутивный акт – это то воздействие, которое данное высказывание оказывает на адресата» [6, с. 1181].

Важно рассматривать речевой акт как целостное явление, не воспринимать его как цепь последовательных действий. Как отмечает И.П. Сусов, «перлокутивный акт – это часть речевого акта говорящего, а не ответное, не посткоммуникативное действие адресата» [7, с. 5]. Совершая речевой акт, говорящий в одно и то же время осуществляет локутивный акт, произнося определенное высказывание, производит иллокутивный акт, так как высказывание представляет собой утверждение, вопрос, предложение, совет и т.д., и вместе с тем творит перлокутивный акт, провоцируя слушающего на какую-либо ответную реакцию.

Перлокутивный эффект речи не является обязательным и изначально определенным. Возможны случаи, когда интенции говорящего приводят к неожиданной реакции слушателей. Перлокутивный эффект может иметь разную степень выраженности – от эмоциональной реакции до реального действия.

Перлокуция является наименее исследованным аспектом теории речевых актов (speech act theory). Общепринятого определения перлокуции в современной лингвистике пока не существует. Большинство исследователей склонны понимать перлокуцию, вслед за Дж. Остином, как «воздействие речевого акта на чувства, мысли или действия аудитории, говорящего или других лиц» [5, с. 88]. Некоторые лингвисты предпочитают использовать термин «перлокутивный эффект», акцентируя таким образом не речевое воздействие, а его результат. Исходя из этого понимания, перлокуция должна быть выведена за пределы речевого акта, выступая как его следствие. Часть исследователей использует термины «перлокутивный акт» и «перлокутивный эффект» как синонимы. Нередко перлокуция трактуется в аспекте обратной связи с реципиентом. Например, О.И. Москальская предлагает определять перлокутивный компонент речевого акта как «программирование говорящим реакции адресата речи» [4, с. 63].

Формирование более четкого представления о механизмах перлокуции, уточнение терминологического значения этого понятия представляют собой актуальную научную проблему. В данной статье мы предпринимаем попытку рассмотреть и проанализировать формы проявления перлокутивных эффектов в публицистическом жанре «письмо к редактору» на материале английской газеты “Daily Telegraph”.

Письма к редактору наиболее ярко отражают перлокутивный аспект речевых актов, ответом на которые они обыкновенно являются. Процесс коммуникации можно

схематически представить в виде следующей цепочки: речевой акт → восприятие → ответная реакция. Письма читателей к редактору, как правило, представляют собой ответную реакцию на редакционные статьи и материалы. Возможны также письма, возникшие как отклики непосредственно на события, ранее не отраженные в издании. Анализ «писем к редактору» наглядно показывает активную роль, которую играет в процессе коммуникации воспринимающая сторона.

Рассмотрим проявление перлокутивного эффекта на конкретном примере нескольких писем редактору в газете “Daily Telegraph” (№ 48, 341–342), представляющих собой отклик на публикацию, посвященную проблеме военного сотрудничества Великобритании и Франции.

Коллективное письмо, послужившее текстом-стимулом, выражает позицию сторонников военного альянса. Отметим, что его характеризует отсутствие категоричности, осторожность в формулировках, высказывается не требование, а совет: “Britain should now take steps to share a nuclear deterrent with France”. Очевидно, данное мнение не является популярным. Заключительная часть письма более эмоциональна по интонации: “Anglo-France defence cooperation offers an obvious way forward which we cannot afford to ignore. The security of Britain, France and Europe is at stake”. Использование обобщений, подчеркнутая идентификация с реципиентом с помощью личного местоимения «we» свидетельствуют об определенной иллокутивной цели – убедить в необходимости альянса с Францией.

Мнения читателей, выступающих против данного сотрудничества, редакция объединила подзаголовком: “Britain’s truest military allies are in the Commonwealth, not across the Channel” («Истинные военные союзники Британии находятся в Британском содружестве наций, а не по ту сторону Ла-Манша»). В каждом отдельном письме выражаются разные оттенки возражения, приводятся неожиданные аргументы. Так, один из респондентов, сетуя на то, как быстро забываются уроки истории, задается вопросом, на каком языке будут общаться союзники: “How quickly the lessons of history are forgotten when political expediency is concerned… On a practical note, I would be very interested to know in which language the two navies will communicate”. Другой респондент задумывается о том, как скажется англо-французский военный союз на взаимоотношениях Великобритании и США: “… will America recoil from a Britain that is now to share its deepest military secrets with Paris?” Настороженность по поводу военного сотрудничества Англии и Франции в одном из писем проявляется в сравнении альянса с «троянским конем»: “The Anglo-French military "cooperation", which has been on the agenda since the Maastricht Treaty in 1992, is a Trojan horse, promoted by supra-nationalists, to pave the way for an EU army”. Двойственные чувства выражены в письме читателя из Франции, который, хоть и приветствует идею англо-французского союза, понимает, что реакция Канады, Австралии и Новой Зеландии на данное объединение не может быть позитивной: “While I welcome the spirit of Britain’s co-operation with France, I cannot help but feel that the idea is simply driven by accountants… If I were from Canada, Australia or New Zealand, I would feel this as one in the eye from the old country”.

Приведенный пример иллюстрирует отсутствие строгой взаимозависимости иллокутивной стороны речевого акта и его перлокутивного эффекта. Опубликованное в “Daily Telegraph” коллективное письмо, очевидно, имело целью сформировать общественное мнение, поддерживающее планы военного сотрудничества с Францией. Перлокутивный эффект письма проявился в реакциях протеста, возражения, скепсиса, сдержанного одобрения. Реакции реципиентов не совпали с ожиданиями автора.

Приведем пример противоположных перлокутивных эффектов, вызванных одной публикацией. Репортаж, поднимающий проблему участия заключенных в муниципальных выборах (“Daily Telegraph” (№ 48, 341, 2010)), побудил читателей выразить в письмах редактору свое мнение о важной для всего общества проблеме. Мнения располагаются в диапазоне от решительной поддержки прав заключенных (“Every prisoner should be able to vote for one MP, who would have a prison constituency

embracing all our jails”) до резкого протеста (“If voting rights included local elections, prisoners could elect a candidate against the interest of the community”).

Таким образом, точно спрогнозировать перлокутивный эффект речевого воздействия невозможно. Вероятны диаметрально противоположные реакции получателей, обусловленные различием их социальных ролей, культурного уровня, возраста и т.д. Восприятие какого-либо высказывания в большей степени зависит от индивидуального опыта слушателя, чем от качества речи. Всякий текст содержит в себе множественность перлокутивных эффектов.

Теория речевой коммуникации, фундаментально разработанная Е.Ф. Тарасовым, обращает внимание на психолингвистические аспекты речевого воздействия, состоящие в том, что «речь субъекта РВ должна быть средством организации общения в структуре речевого воздействия и средством побуждения объекта РВ к посткоммуникативной деятельности» [8].

Можно выделить три группы реакции читателей на редакционные публикации:

1) изменение в фонде знаний (информативные письма);

2) изменение отношения к какому либо событию в положительную или отрицательную сторону;

3) побуждение к действию (связанное с рекламными текстами).

Вариантом первого типа реакции являются письма, содержащие какие-либо дополнения, уточнения.

Наиболее частым типом реакции является возражение, или корректирующая реакция. Как правило, побудительным стимулом для письма в редакцию становится реакция несогласия с выраженным в издании мнением. Как подчеркивал А.А. Леонтьев, «глубина понимания речевой информации прямо пропорциональна степени осознаваемой реципиентом необходимости ответа на нее» [2, с.22]. Понимание информации, тем не менее, неравнозначно принятию интенции говорящего, а следовательно, может получить развитие в диаметрально противоположных перлокутивных актах.

Список литературы

1. Леонтьев А. А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации / А. А. Леонтьев // Синтаксис текста. – Москва : Наука, 1979. – С. 18–36.

2. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – Москва : Гнозис, 2003. – 280 с.

3. Москальская О. И. Грамматика текста / О. И. Москальская. – Москва : Высшая школа, 1981. – 183 с.

4. Остин Дж. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1986. – Вып. 17. Теория речевых актов. – С. 22–129.

5. Пугачева О. В. Речевой акт как трехуровневое единство: проблема перлокутивного эффекта / О. В. Пугачева // Исследовано в России. – Режим доступа: http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2007/112.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

6. Сусов И. П. Семантика и прагматика предложения / И. П. Суслов. – Калинин, 1980. – 51 с.

7. Тарасов Е. Ф. Психологические и психолингвистические аспекты речевого воздействия / Е. Ф. Тарасов // Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы : сб. ст. – Москва : ИЯЗ, 1986. – С. 4–9.

8. Austin J. How to do things with words / J. Austin. – Oxford : Clarendon Press, 1962. – P. 92–101.

References

1. Leont'ev A. A. Vyskazyvanie kak predmet lingvistiki, psiholingvistiki i teorii kommunikacii // Sintaksis teksta. – Moskva : Nauka, 1979. – S. 18–36.

2. Makarov M. L. Osnovy teorii diskursa. – Moskva : Gnozis, 2003. – 280 s.

3. Moskal'skaja O. I. Grammatika teksta. – Moskva : Vys-shaja shkola, 1981. – 183 s.

4. Ostin Dzh. Slovo kak dejstvie // Novoe v zarubezhnoj lingvisti-ke. – Moskva : Progress, 1986. – Vyp. 17. Teorija rechevyh aktov. – S. 22–129.

5. Pugacheva O. V. Rechevoj akt kak trehurovnevoe edinstvo: problema perlokutivnogo jeffekta // Issledovano v Rossii. – Rezhim dostupa: http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2007/112.pdf, svobodnyj. – Zaglavie s jekrana. – Jaz. rus.

6. Susov I. P. Semantika i pragmatika predlozhenija. – Kalinin, 1980. – 51 s.

7. Tarasov E. F. Psihologicheskie i psiholingvisticheskie aspekty rechevogo vozdejstvija // Rechevoe vozdejstvie: psihologicheskie i psiholingvisticheskie problemy : sb. st. – Moskva : IJaZ, 1986. – S. 4–9.

8. Austin J. How to do things with words. – Oxford : Clarendon Press, 1962. – P. 92–101.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОСТНЫХ ПОТОКОВ В СМИ

Лазуткина Екатерина Валерьевна, *кандидат филологических наук, старший преподаватель, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: katelazutkina@rambler.ru.*

В статье рассмотрены особенности формирования новостных птоков в СМИ. Особое внимание обращено на анализ воздействия потока новостей на формирование представлений аудитории о событиях, проблемам дезинформации и манипуляции.

Ключевые слова: журналистика, массмедиа, новость, новостная информация, новостное производство, новостной поток, событие, факт, СМИ.

FEATURES OF FORMATION OF NEWS STREAMS IN MASS MEDIA

Lazutkina Ekaterina V., *Candidate of Philology, senior teacher, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, Tatischev St., 20a, e-mail: katelazutkina@rambler.ru.*

In the article the features of the formation of news flows in the media, the selection of news. Particular attention is paid to analyze the impact of the news flow on the formation of representations of the audience about the events, the problem of misinformation and manipulation.

Key words: journalism, mass media, news, the news information, news manufacture, a news stream, event, the fact, news flow.

Новостная информация, благодаря широким возможностям массмедиа, непрерывно презентуется в огромных объемах массовой аудитории. Представления о мире у современной аудитории формируются, в первую очередь, под влиянием данных новостных потоков. В целом новость должна быть оперативной, объективной и достоверной, содержать информацию, необходимую для оценки важности и последствий описываемого события, быть понятной, четко акцентировать на главном. Однако, как показывает практика, СМИ активно моделируют новостные потоки с учетом интересов определенных заинтересованных групп (бизнес-структур, политических и общественных организаций и т.д.), что зачастую негативно влияет на полноту и глубину предоставляемой новостной информации. В данной работе предпринята попытка рассмотрения особенностей новостного производства, механизмов формирования новостных потоков в современных СМИ.

В целом понятие «новость» имеет ключевое значение для журналистики и подвергается различным трактовкам в зависимости от научного направления исследования. В широком понимании «новость» – это сведения о новом событии (сравн.: определение понятия в Толковом словаре В.И. Даля: «Качество, свойство нового, всего, что ново; новый случай, приключенье; весть об нем, первое известие о чем-либо» [1]). Л.М. Землянова определяет новости как «новые сведения, вести, известия сообщения о разных, но прежде всего о важнейших событиях в стране и мире» [2, с. 231].